

Фетисенко Ольга Леонидовна

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
betsy98@mail.ru

Об одном возможном источнике *Повести о Светомире царевиче Вяч. Иванова*

Для цитирования: Фетисенко О. Л. Об одном возможном источнике *Повести о Светомире царевиче Вяч. Иванова*. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2022, 19 (1): 45–61. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.103>

«Повесть о Светомире царевиче» (1928–1949) Вяч. И. Иванова — казалось бы, досконально исследованное произведение. Изучено множество его претекстов, выявлены всевозможные реминисценции и аллюзивные пласты, проанализированы мифопоэтические мотивы. Большой интерес у читателей и исследователей всегда вызывали необычный речевой строй повести, язык, ориентированный на славянскую Библию и древнерусскую словесность, а также избранная автором форма ритмизованной прозы, напоминающая французские версе. Однако образец подобной прозы, по мнению автора статьи, можно найти и ближе — в русской словесности XIX в. Сходным образом повествование организовано в одном из произведений писательницы, близкой славянофилам и чрезвычайно популярной в 1850–1860-е гг., — Кохановской (Н. С. Соханской; 1823–1884). Ее повесть «Рой-Феодосий Саввич на спокойе» (опубликована в 1864 г. в славянофильской газете «День»), как выясняется при внимательном чтении, близка сказанию Вяч. Иванова не только ритмо-фонетически (это плавная ритмизованная проза с богатыми внутренними рифмами и аллитерациями, с церковнославянизмами и в то же время словами почти просторечными, с особыми видами инверсий — переносом подлежащего на конец предложения, с дополнениями впереди сказуемого), но — что, возможно, еще более важно — и по своей системе образов, выполняющих в обоих произведениях сходные функции (это отсылающие к славянской и, шире, индоевропейской мифологии образы волков, дуба, горы, «царь-девицы» и др.). В одном из стихотворных фрагментов «Повести о Светомире царевиче» — песне Отрады — полностью воспроизведен ритмический рисунок колыбельной из сказания Кохановской. Эти совпадения позволяют рассмотреть полузабытую повесть как один из возможных источников произведения писателя-символиста.

Ключевые слова: Вяч. И. Иванов, *Повесть о Светомире царевиче*, Кохановская (Н. С. Соханская), литературные параллели, мифологические образы.

Оставшееся незавершенным последнее произведение одного из мэтров русского символизма Вяч. И. Иванова «Повесть о Светомире царевиче» (1894, 1928–1949), впервые посмертно опубликованное в 1971 г. и сравнительно недавно включенное в серию «Литературные памятники» [Иванов 2015], продолжает быть притягательным для филологов, стремящихся разобраться в его сложной образной системе и найти секрет его речевого строя, напоминающего, но не повторяющего древне-

русские сказания. Об особенностях языка «Светомира» писали многие, и где только не искали разгадку его оригинальности — кажется, везде, кроме России XIX в. (см., напр.: [Орлицкий 2015]). Между тем, как нам представляется, именно здесь можно выявить незамеченное ранее звено между русским и европейским Средневековьем и полным загадок текстом Вяч. Иванова, и это звено — повесть, «просторечное» название которой не должно сразу отпугнуть и обмануть исследователя: оно тоже скрывает за собой «премудростное дивное сказанье»¹. Первые же страницы повести «Рой-Феодосий Саввич на спокое» (1864), действие которой происходит в елизаветинское царствование, обнаруживают удивительное ритмико-стилистическое родство с текстом Иванова, а также заметные переклички в использовании одних и тех же мифологических образов и целых сюжетно-тематических блоков. Но прежде чем перейти к доказательствам, необходимо сказать хотя бы несколько слов об авторе повести и охарактеризовать первоначальную судьбу этого текста в литературной критике.

Надежда Степановна Соханская (1823–1884), пользовавшаяся с 1856 г. литературным псевдонимом Кохановская², после окончания с отличием (с первым шифром) Харьковского института благородных девиц почти всю жизнь провела на маленьком хуторе в Изюмском уезде. Ее ранние литературные опыты напоминали повести Марлинского, но уже в 1850-е гг. сформировалась ее оригинальная манера, сочетающая «песенный» народный слог, смелое соединение церковнославянизмов и южнорусского просторечия, своеобразные синтаксические конструкции, которые позже А. К. Толстой прозвал «коханизмами» (писательница избегала стандартного построения «реплик»: *сказал, ответил* и т. п., используя вместо этого глаголы, не означающие речевое действие). Но еще большее внимание читателей и критиков обращало на себя просвечивающее в каждом ее произведении «сердечное» отношение к изображаемому миру — то, что славянофилы определяли как «положительное отношение к жизни» (об этом см.: [Кунильский 2013]). Естественным было приглашение принять участие в московском журнале «Русская беседа», но он уже угасал, и здесь Кохановская успела поместить лишь две статьи и две подборки собранных ею «боярских» песен.

С появлением у И. С. Аксакова газеты «День» Кохановская стала ее сотрудницей, помещала там очерки и художественные произведения. Для этого издания была написана повесть «Кирила Петров и Настасья Дмитрова» (1861) и сразу после ее выхода задуман «Рой» [Кохановская 2020: 241]. В 1862 г. писательница подготовила к отдельному изданию свои прежние повести (двухтомник «Повести Кохановской» Аксаков издаст в 1863 г.). Новое произведение создавалось трудно [Кохановская 2020: 250], хотя замысел его полностью сложился у автора задолго до начала самой работы³. Дело замедлялось оттачиванием каждой фразы (точно так же, как будет потом и с Вяч. Ивановым⁴). Вторая половина «Роя» завершалась в то время, когда уже печатались первые главы.

Критик-славянофил Н. М. Павлов (Бицын) писал об этой повести сразу после ее появления в печати:

¹ Название одной из статей о «Светомире» [Промов 2008].

² См. о ней: [Платонова 1909; Викторевич 2018; Фетисенко 2017].

³ Об утраченных рабочих тетрадях с автографами повести см.: [Пономарев 1898: 284].

⁴ О его работе над «Светомиром», о множестве редакций каждой главы см.: [Фетисенко 2015].

Новое произведение г-жи Кохановской бесспорно характернейшее из всех ее произведений; именно на «Рое» остановится будущий критик г-жи Кохановской для ее оценки как автора. — Если живость образа — всегда с ясностью масляной картины Тициана, а не с бедным очерком карандаша — составляет неподражаемое достоинство г-жи Кохановской, — в «Рое» она выступает ярче. Если в каждой повести г-жи Кохановской вас поражает пристальное знакомство с старинным бытом — не урывками вычитанное из книг знание о нем, а какое-то непосредственное к нему отношение автора, цельное и живое, причем многое из старины метко угадано, другое еще впервые создано, — всё это вас не только поразит, а даже ослепит в «Рое». Если наконец чудные вымыслы поэта, творческие сны и грезы художника доходят всегда у г-жи Кохановской до форм столь определительных, достигают всегда той степени реальности, что всякий образ ее кажется только сейчас списанным с природы... то и это отличие г-жи Кохановской особенно бросится в глаза в «Рое». Точно так же и все своеобразные, — не говорим: недостатки ее таланта, а все резкости его склада, — проглянули именно в «Рое» с особенной силой [Павлов 1864а, № 23: 15]⁵.

Мы никогда не прочитаем это произведение в том виде, как его завершил автор и увидел в рукописи Аксаков⁶, но, возможно, от потери нескольких эпизодов (из-за цензурного и редакторского вмешательства⁷) оно не сильно изменилось и осталось такой же величественной постройкой, выделявшейся на фоне современных «романов-фелъетонов», по выражению того же Павлова.

22 мая 1864 г. Кохановская писала М. Ф. Де-Пуле: «...успех “Роя” более ожидаемого, хотя вовсе не всеобщий, но здесь качество вознаграждает меня за количество» [Кохановская 2020: 251]. «Рой», по свидетельству издателя, «обратил на себя серьезное внимание многих, возбудил целые споры, вопросы...» [Семья Аксаковых 2018: 220] Разумеется, мнения современников разделились: негодование⁸, изумленное восхищение⁹; высочайшая оценка, но и указание недостатков (Аксаков); при-

⁵ Случай беспрецедентный: разбор произведения, только что помещенного в этом же издании. Но издатель газеты пояснил в своем примечании: «Талант г-жи Кохановской так самобытен и независим, составляет такое общее достояние русской публики, что... мы не считаем себя вправе применять к автору-художнику обычные отношения *Редакции* к своим постоянным *сотрудникам*» (курсив в источнике) [Аксаков 1864 № 23: 15–16].

⁶ Вот его впечатление от первых пяти глав: «Это великое, серьезное творение. Его нельзя назвать повестью; это поэма, но поэма вроде “Илиады” или “Одиссеи”, или лучше сказать — эпопея, которой содержание взято из русского народного эпоса. <...> В Рое все фигуры — размеров эпических, гомерических, но тем не менее они вполне верны высшей внутренней народной правде...» (письмо к Кохановской от 1 февраля 1864 г.) [Семья Аксаковых 2018: 217–218].

⁷ См.: [Семья Аксаковых 2018: 218–219, 221–222, 485–486].

⁸ «Некоторые, читая Роя, приходили в негодование, раздражались до гнева!» [Семья Аксаковых 2018: 220].

⁹ В письме к А. В. Плетневой Кохановская цитировала полученные ею отзывы А. Ф. Вельтмана и его жены, тоже писательницы: «Вот что пишет мне сам Вельтман: / “<...> В вашем Феодосии Саввиче Рое вы сбросили с Русского Слова чужеземную литературную ливрею и заговорили родным языком. Кто любит его, тот поймет ваш смелый подвиг и заслугу. <...>” А вот что пишет сама Ел<ена> Ив<ановна> Вельтман... <...> “Первая глава такая бесподобная и ни с чем несравненная невидаль-прелесть, что все были поражены... <...> Первую главу следует заставлять юношество утверждать наизусть, чтоб ознакомить его с тем, что есть у него самого русского дорожка, задушевного...”» (Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (РО ИРЛИ). Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 163. Л. 5 об. — 6 об.).

знание большого таланта, но усмешка по поводу пафоса в содержании и непросто-ты в выражении (Тургенев¹⁰, Достоевский).

Необычный языковой строй произведения пришелся не по душе и А. Ф. Тютчевой (Аксаков писал, что она «мирится» только с двумя лучшими главами — пятой и шестой [Семья Аксаковых 2018: 220]). Предвидя это, 21 января 1864 г. Соханская объясняла ей, что была не вольна выбирать:

...тут еще язык такой, что мне самой кажется странным — а что же публике? — Язык старинной, очень часто рифмующейся прозы — язык нашей песни и сказки вместе, вполне отвечающий тому времени и свойству, и духу языка народной поэтической речи. — Но публика-то наша читающая, разве она близка со всем этим? И самая критика скажет, что это уродливость, подделка под народность и пр. и пр. Я заранее знаю всё, что она скажет. И Вы не пеняйте, что я не сделала уступки общественным требованиям, о которых я хорошо знала и пред-понимала. *Не могла*. Поймите силу этого внутреннего, непреодолимого, властительного слова, которое владычеству над свободой и волею художника и есть его предвидение, его сила — его дар! И вот по этому-то именно дару невольного в своем создании художника, я *не могла*. <...> ...хотела писать так, а он писался иначе. Сколько я пережила с ним сомнений, томлений — сколько у меня было печали, уныния — сколько возни с этим страшным языком! <...> Но после всего этого тяжкого перебору и перелому внутри себя, я наконец увидела: что если я могу и хочу написать Роя, то именно только *так*, а не иначе¹¹.

Как же именно так? Рифмованной прозой, главным образом с глагольными рифмами («...старое займище сиднем сидело... гущина сплошных лесов проредела»; «...на горе встала и крестом просияла...»; «Чаркой обносит, пивом просит... чтоб и отсталый был сыт и, что называется, смиренный у каши не забыт») и разной степени точности рифмами в отдельных оборотах («тонко да гонко», «ручьями и ключами»; «...прозрала из-под снегу не очами, а тальми подземными ключами»; «от земли дó небу, отныне дó веку!»; «ела не ела, все глаза просмотрела»). Это ритмизованная проза с богатыми внутренними созвучиями («Там на заре цепи звенят и в праздничные колокола звонят...»; «огороженное, обостроженное»; «серые и потемнелые, замшёные и с угла молнией обожженные»), как в былинах, заговорах и колядках («...и озеро Лебединое, и болото Журавлиное...»; «Христос народится, весь мир просветится»), с разнообразными инверсиями¹², с церковнославянизма-

¹⁰ См. об этом: [Фетисенко 2020].

¹¹ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф.2980. Оп.1. Ед. хр. 1312. Л.39 об. — 40. Курсив в источнике.

¹² Не самыми типичными (к примеру, здесь — вопреки ожиданию — не встретишь характерных для народной поэзии эпитетов в постпозиции, зато дополнения будут часто впереди сказуемого, для плавности и рифмованности речи: «...на войну ходил и в замирении Царскую службу служил», «...всю дорогу освободил... мосты помостил»). Один из видов сложных инверсий, применяемых Кохановской, — перенос подлежащего на конец предложения. Вот пример из первой главы: «Как сосновый бор зелена, тихо и полого разлегаясь, всходила гора — и было с чего зеленеть ей. Вся токами и притоками, ручьями и ключами, как мироточивая глава, сочилась она» (цит. по: Кохановская [Соханская Н. С.] Рой-Феодосий Саввич на спокойе. *День*. 1864, № 5 (1 февр.): 4–9; № 6 (8 февр.): 4–7; № 7 (15 февр.): 4–8; № 8 (22 февр.): 3–9; № 9 (5 марта): 5–13; № 10 (8 марта): 5–9; № 11 (14 марта): 3–9; № 12 (12 марта): 16–20; № 13 (28 марта): 7–10; № 15 (11 апр.): 4–11 [Кохановская 1864]). (Далее — Рой.) № 5, с. 4). Здесь же обратим внимание и на внутренние рифмы. Или еще один пример с подоб-

ми («райское вравие»¹³) и с обычными для Кохановской словами из южнорусской простой речи; со старинными присловиями («Богу молись да за стол садись»), забытыми поговорками («семеро по зайца, да шкурки нет»; «шапки снимает и голов не минает»; «до прежде хозяина и поп не пьет»; «На волка помолвка, а кума козу за рога свела...») и оборотами, звучащими как пословицы и поговорки, но, возможно, сложенными ею самой («и межи нет, а рубежи знать...»; «Мир-земля — Божьи чудеса; а дорога — мирское дело!»; «Боярское сусло пенится, а нам что деется»). Следует при этом отметить, что ритмический рисунок здесь переливчатый, изменчивый — не монотонные трехдольники прозы Андрея Белого¹⁴. Часты и «перебой ритма», оживляющие восприятие («...чтоб и лошади не томилися, и люди добрые, в свою их волю, на поезд Пущина-Роя надивилися в диво»).

Аксаков писал:

Нужна страшная *мощь* дарования, чтобы создать органически такой язык, каким написан Рой. Это не мозаичная сборка народных выражений, как у Даля, это не копия с языка песен или сказок, не подражание языку грамот, а живой органический язык, совершенно народный, хотя и не мужицкий, простой, хотя и не обыденный, свободно самосоздающийся под пером писателя (курсив в источнике. — О. Ф.) [Семья Аксаковых 2018: 220–221].

Об этом же говорится и в другом его письме к Кохановской:

Речь не обыденная, не будничная прозаическая, но настоящая русская речь, только высшего подъема, выше настроена, звенящая, как натянутая тетива. И чисто русский эпический склад, не то былина, не то сказка, не то язык древних грамот, всё слышится в этой речи, и в то же время это не подбор слов, выражений и оборотов народных, а живая, самородная, творящаяся под пером автора, органическая речь [Семья Аксаковых 2018: 217].

Содержание повести составляет история построения двух церквей — храма во имя Пресвятой Троицы и «малой Церкви» (обретение главным героем невесты¹⁵); еще одна важная сюжетная линия — покаяние и преображение разбойника Минки-Родимки, жертвующего на новый храм большой колокол¹⁶. Аксаков верно выразил одну значимую деталь: «Все действующие лица в Рое, как оно и есть в истинной русской жизни, действуют и стоят как бы пред лицом Божиим, и Лицо Божье как бы смотрит на них и светит им» [Семья Аксаковых 2018: 218]. Действие, как уже было сказано, происходит в елизаветинское царствование, но сюжетные линии уводят в семнадцатый век — в эпоху первого царя из династии Романо-

ной инверсией и неточной рифмой «душа — она»: «По себе самом стосковалась душа. Муштру вашу да нечисть басурманскую не стерпела она...» (Рой. № 7, с. 6).

¹³ Вравие — ветвь (церковно-славянск.).

¹⁴ Отметим попутно, что А. В. Амфитеатров в статье 1911 г. сказал по поводу стиля Андрея Белого-прозаика: «...цветистостью изощренно выкрученного слога своего забил и за пояс заткнул старуху Кохановскую» [Амфитеатров 1912: 242].

¹⁵ В плане земном это соединение двух старинных родов Пушиных и Ртищевых, в небесном (или, если угодно, мифопоэтическом) — спасение плененной злыми силами царевны.

¹⁶ Минка — своего рода двойник главного героя повести. В системе образов «Светомира» такую функцию при царе Владаре выполняет Василий Жихорь.

вых, причем жалованная грамота того времени передана настолько точно, что не ясно — тончайшая ли это стилизация, или список с какого-то подлинника¹⁷. Место действия — хорошо знакомая писательнице белгородская земля, где она родилась и провела детство.

22 мая 1864 г. Кохановская признавалась в письме к Де-Пуле:

Это истинно был труд души, полный сомнений, борьбы, недоумения. Вся душа была занята и томима им. Я думала, что я никогда не разделаюсь с моим Роем — и я же с первых строк знала, что немного будет сочувствующих моему труду. Но если бы их не было и ни одного — какая нужда! Я пишу по тому внутреннему побуждению, которое велит мне писать вот *это*, а не то *другое*, что могло бы понравиться публике (курсив в источнике. — О. Ф.) [Кохановская 2020: 251].

То, что ее новая повесть не принесет такого успеха, как прежние, Кохановская понимала еще до ее завершения. 24 января 1864 г. она так рассуждала в письме к А. В. Плетневой:

А мой Рой, Сашенька, не будет иметь успеха, это я знаю, как дважды два. Он такой простой, народный, серьезный — так в нем мало любопытной завязки и развязки — такая в нем народная, суровая старина нашей истории — такой язык по тому времени — что успеха не видать Рою. Не даст он мне «меду похвал». Хотя я не большая охотница до сладкого, но верная оценка труда приятна всякому трудившемуся¹⁸.

И конечно, ей и радостно, и горько было читать такие строки в письме Аксакова:

Эх! нет тех людей уже на свете, которым бы Рой доставил истинную художественную радость, которые в состоянии были бы оценить и произведение, и талант автора по достоинству. Нет совсем критиков. Отец мой, Хомяков, брат, Гоголь — как рады были бы они Рою! И Белинский первой половины своей деятельности — был бы рад, — а во второй половине ненависть к церковности, к православию заслонила бы для него художественную сторону произведения, которую он оценить был бы в состоянии [Семья Аксаковых 2018: 231].

Кохановская хоть и не рассчитывала на «мед похвал», но рецензий ждала с интересом. Их, однако, было немного. Аксаков указал писательнице на статью Е. Н. Эдельсона в «Библиотеке для чтения». Отметив отпугнувшие многих читате-

¹⁷ Приведем из нее лишь фрагмент: «И за те Петра службы стоварищи боярскими дети с Лыковыми Титом и Степою мы Велики Государь Царь и Велики Князь Михало Федорович и всея Руси и отец наш Велики Государь светейший патриарх Филарет Никитич Московский и всея Руси пожаловали есма Петра с товарищи поместного его окладу пашни и перелогу и дикого поля сем сот четвертей в поле и вдву по тому ж и его же Петрово поместье во Белугородском уезде деревня что была Пустош, на верховие туде и сюде по большим лесом, и по реке по Разумной на большой Корень і за Мертвой Коренек и вверх Кореня на дубу грань и на заячии перескок, на ином дуду иная грань и стои грани на повилои верх а от вислова верха вверх по реке по Корене и по Ржаву реку от Курскова и Осколкова рубежа. А по тем рекам в Корене и в Кореньке Мертвом и во Ржавой речке и по Разумной и по урочищам по всем рыбы ловить и бобры бить и по тем урочищам зверинья гони и сетища делать и всякими угоды владеть» [Кохановская 1864, № 9: 8].

¹⁸ РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 163. Л. 39 об.

лей «весьма прискорбные» недостатки произведения, к которым он отнес вычурность «сочиненного языка», некоторую «утрировку характеров» и «фантастический колорит», критик подчеркнул, что, несмотря на это, «как и все, что выходит из-под пера Кохановской, эта повесть носит на себе печать яркого таланта, не раз производит сильное, незабываемое впечатление в читателе и, что главное, производит это впечатление правильным образом, затрагивая в душе чисто русские, народные струны» [Эдельсон 1864: 7]. Разговор о повести позволил критику коснуться вопроса об отношении к «исторической жизни» России. Прошлое невозможно вернуть, но в нем есть чем восхититься, как это умеет Кохановская. «Весьма многое» в ее творчестве Эдельсон поставил в один ряд с «Капитанской дочкой» Пушкина и «Семейной хроникой» С. Т. Аксакова, а по поводу главного героя новой повести он заметил: «...одно уже созерцание... таких светлых и чистых личностей, без сомнения, не остается бесплодным в каждой сколько-нибудь впечатлительной душе...» [Эдельсон 1864: 10, 11].

«Библиотека для чтения», где была помещена статья Эдельсона, выходила тогда с опозданием, и еще до того, как Кохановская узнала об этом отклике, 1 июня 1864 г. Аксаков сообщил ей, что в «Дне» будет помещен «ряд писем о Рое», содержащих и некоторые «строгие замечания» [Семья Аксаковых 2018: 228]. Имя автора он не открыл ни в этом, ни в следующем письмах, при этом не исключено, что в 1862 г. писательница и критик могли познакомиться в Москве. Автором «писем» был Н. М. Павлов (1836–1906), известный под псевдонимом «Н. Бицын»; от этого псевдонима был образован криптоним «Н. Б.», которым подписан отзыв о «Рое». Фрагмент из его статьи, в котором новое произведение Кохановской названо характернейшим, тем, по которому о ней будут судить в дальнейшем, мы уже привели выше.

Критик-славянофил отметил и новое развитие мастерства писательницы, и присущие ее манере «резкости». Несмотря на исторический материал, Павлов усматривал в повести «современность — самую свежую, самую животрепещущую» [Павлов 1864а, № 23: 17]. И если Аксаков видел в эпосе Кохановской «поэму вроде “Илиады” или “Одиссеи”», то Павлов отметил библейский дух повествования и «всегдашнюю тихую равность» Роя «самому себе» [Павлов 1864а, № 17: 16]. Одним из существенных недостатков для критика является то, что автор повести «выступает то и дело адвокатом того самого мира, которого хочет быть лишь бесстрастным эпиком» [Павлов 1864а, № 26: 18]. «Строгие замечания» касались и необычного языка повести. Павлов отмечал его «манерность», предумышленность¹⁹,

¹⁹ Аксаков возражал в редакционном примечании, переводя разговор от темы языка к мировидению писателя: «...г-жу Кохановскую нельзя никак упрекнуть в *умышленной* подделке и даже в *преднамеренно* взятой задаче. Если б это было, то этот колоссальный талант без труда мог бы искуснее совершить эту подделку и не подвергнуться многим из тех замечаний, которые высказывает г. Н. Б. ниже. <...> Мы видим в авторе такое живое, *искреннее* отношение к русской жизни, такое горячее с нею сочувствие, такую связь между ее поэзией и русской песнью, которые в нашей среде почти немислимы... Она ни в одной повести не может обойтись без русской песни, она сжилась с нею, ее творчество чуждо полемических задач, ее отношение к русской народной жизни вполне *положительное*, более непосредственно-положительное, чем даже у автора “Сем<ейной> Хроники” (речь идет о С. Т. Аксакове. — О. Ф.) <...> Она вовсе не заботилась о подделке, и в *Рое* сказалося только ее внутреннее, хотя и вполне искреннее отношение к содержанию, но со всеми неизбежными противоречиями, в ней самой лежащими. Она постоянно восхищается своими героями и русской жизнью; ее краски слишком горячи, в ней нет того художественного самообладания, той тишины

обилие просторечных слов: «Гула» вместо гудела, «ажно» вместо *и даже* или *так, что*, «так» вместо *так* и пр. и пр. и пр. Зачем это нужно?» (курсив в источнике) [Павлов 1864а, № 26: 20]²⁰. Но, возможно, в последнем замечании автор статьи противоречит самому себе. В том же 1864 г., откликаясь на новую пьесу Н. А. Чаева, Павлов заметит: «Наша публика до такой степени привыкла к полуфранцузскому языку русских водевилей, что настоящий русский язык, нет мудреного, ей покажется за татарский» [Павлов 1864б]. Не так ли произошло и с повестью Кохановской?

В целом Павлов ставил «Роя» очень высоко и в год выхода повести еще два раза упоминал о ней в статьях цикла «Текучая беллетристика» [Павлов 1864в]. Сокрушаясь о том, что «литература у нас... сошла вся на публицистику», критик противопоставлял общему потоку «величавое» создание, которое ранее беспристрастно разбирал на страницах той же газеты:

За весьма редкими исключениями (чтоб не указать даже в единственном числе на недавнюю повесть г-жи Кохановской), не встречаем мы в нашей литературе глубоко обдуманых, величавых, по своему художественному строю, произведений. Роман, шитый на живую нитку, и в котором явный недостаток литературного интереса прикрыт декорационным костюмом современного и социального — вот почти всё, что в ней видим за последнее время [Павлов 1864в, № 31: 17].

Горячо сочувственной статьей в петербургском журнале «Семейные вечера» [Ладыженская 1864]²¹ откликнулась на появление повести Е. А. Ладыженская (урожд. Сушкова; 1815–1883), младшая сестра одной из «муз» М. Ю. Лермонтова. Напомнив об изданном в 1863 г. двухтомнике «Повести Кохановской», Ладыженская восклицала:

Можно ли назвать романом или повестью эти рассказы, в которых звонкое, искреннее, твердое и задуманное слово писательницы так и ласкает вас по сердцу чем-то родным и знакомым, вызывает не только одобрительную, но и радостную улыбку, точно будто вы нечаянно нашли что-то потерянное или вспомнили давно позабытое. Она так живо олицетворяет пред вами образы, что при малейшей черте их характера, при каждой речи или поговорке, вложенной в их уста, невольно хочется (особенно когда читаешь ее рассказы с кем-нибудь вместе), вымолвить *да* или кивнуть головою, в знак удостоверения, что оно было и происходило точно так, как описано (курсив в источнике. — О. Ф.) [Ладыженская 1864: 435–436].

и спокойствия в творчестве, какие необходимы даже при объективном созерцании. Это не подделка под эпос, а *страстное*, вполне искреннее всепроникновение себя характером народного эпоса (без страсти оно было бы и невозможно), но это противоречие и отразилось целиком в повести» (курсив в источнике) [Аксаков 1864, № 26: 18].

²⁰ Нужно — затем, что *гула* короче, чем *гудела* и созвучно со словом, к которому относится, — гора; можно сказать, рифмуется с ним. Просторечное *ажно* не выдерживает сравнения в экспрессивности с сухим книжным *так, что*. Надо при этом отметить, что во всей большой повести это слово употреблено всего два раза и только в «ремарках», относящихся к речи разбойника («Будем пить! — сказал он и серебряной стопою звякнул о дубовый стол, ажно мед всплеснулся и хмельной пеною по краям пошел»; «Врешь, твоя честь! — вскрикнул Родимка и швырнул из руки ножом, ажно нож остреем вонзился и по конец стола сторчма стал, и сам Родимка себе кулаком в груди дал» (Рой. № 7, с. 5, 6)). В значении «и даже» Кохановская это слово, как видим, не употребляла.

²¹ Авторство статьи И. Ф. Масанов ошибочно приписал никогда не существовавшему «Елисею Ладыженскому» [Масанов 1960: 268].

Повесть о «сударе Рое» автор статьи называет выдержкой «из семейной летописи дворянских родов», погружающей «в здоровый и освежительный родник русской старины, в которую еще не вторглись иноземные обычаи» [Ладыженская 1864: 437]. Весьма справедливо замечание о том, что Кохановская не имела «ни предшественников, ни сотрудников» ни «по духу», ни по «изложению». Источник для нее — подлинные рассказы и «частные семейные хроники» [Ладыженская 1864], но не только это. Щедро наделенная «большими дарованиями», чтобы создать произведение, подобное «Рою», писательница, по мнению Ладыженской, должна была много потрудиться:

...г-жа Кохановская, без сомнения, должна была много заниматься, много читать старинных летописей, песен, сказаний, углубиться в изучение славянского языка и, вероятно, других соплеменных ему наречий, прислушиваться и к меткой пословице, и к изустной плавной речи старцев, и к живой молве народа! Овладев этими многообразными пособиями, г-жа Кохановская заговорила с нами языком самобытным, картинным, очищенным от малейшей примеси галлицизмов или германизмов. Это не последняя ее заслуга... Речь, чисто-русская, тароватая, заливная-соловьиная, приветствует нас во всякой ее строке. Она скорее прибегнет к выражению местному или обветшалому, или почти новому, но самую странность некоторых оборотов будто придает более значения самому месту и времени, которые описывает, и выскажет свою мысль во всей ее яркости и вдохновенной самородности [Ладыженская 1864: 438].

В своем отзыве Ладыженская несколько раз подчеркивала тему летописи, хроники, семейных преданий. В одном месте она даже определяет повесть как «бытописание обыденной жизни русского старинного дворянина» [Ладыженская 1864: 439]. Правда, над «обыденностью» она возвышает писательницу, отмечая, что ее мысли «выше залета обыкновенной мысли» [Ладыженская 1864: 455]. Все это так, и все это, несомненно, важно, и «Роя» вполне можно прочесть как бытописание или семейную сагу. Однако рецензентка (как, впрочем, и все отозвавшиеся тогда на повесть) совершенно не заметила другого мощного пласта, держащего и строящего произведение Кохановской, — его мифологизма. Но именно эта «праоснова» «Роя» таинственным образом и претворится в один из главных, как нам кажется, подтекстов «Повести о Светомире царевиче».

Переходя, наконец, к основной теме статьи, хочется снова процитировать большую статью Павлова о Кохановской: «Возвращая нас к безлично эпическому творчеству нашей Былины или Сказания, она как бы намекает и дает угадывать в предчувствии тот новый вид повести, ту ее возможную новую форму, в которых должна воплотиться наша русская, народная повесть» [Павлов 1864а, № 26: 18]. Рассказывая Плетневой о данном отклике, Кохановская посетовала, что это — только «внешнее его («Роя». — О. Ф.) рассматривание»²². Действительно, ни Павлов, ни кто-либо после него не коснулся сложно выстроенной мифопоэтической основы «Роя», которая, видимо, была для писательницы важна и дорога²³. Во-первых, в то

²² РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 163. Л. 26 об.

²³ Укажем хотя бы на комплекс мотивов *пчел, пасеки, меда*. Феодосий Саввич рожден на пасеке в майское росное утро, когда его мать «огребла» новый пчелиный рой (отсюда и пошло его прозвище). По границе своих земель Пущин-Рой поставил ульи, на которых всегда лежал каравай хлеба

время просто не обращали на подобные вещи внимания, во-вторых, от Кохановской привыкли ждать «картин старого быта» — и не больше. Однако Павлов обмолвился о «возможной новой форме» русской повести. Вяч. Иванов тоже искал новой, необычной формы для повествования, в котором мог бы в художественной форме представить картину чаемой им **агиократии** (власти святых). Созданное им сказание о жизни и правлении князя (затем царя) Владаря-Лазаря и его сына Светомира рядом моментов напоминает историю Московского царства, а также Чешской земли (поскольку повесть содержит явные отсылки к житию небесного покровителя его автора — св. князя Вячеслава (Вацлава)), а кроме того, содержит множество отсылок к собственной семейной истории Иванова. Исследователями выявлено множество литературных и фольклорных источников²⁴ «Повести о Светомире царевиче», но обойден вниманием один из ближайших. Между тем, помимо бросающейся в глаза схожести ритмического рисунка, о которой мы уже упоминали, слишком велико, чтобы пренебречь им, количество совпадений в системе образов и, что еще важнее, — совпадений «функциональных», для объяснения коих мало указать на их общее происхождение в славянской мифологии.

Наше сопоставление будет довольно беглым, учитывая, что это лишь первый подступ к теме, заслуживающей отдельного углубленного исследования.

В обоих произведениях место действия замкнутое — царство Владаря у Иванова и своего рода заповедное царство «боярина» Феодосия Саввича Пущина по прозвищу Рой у Кохановской (в повести много раз подчеркнут мотив границ и жизнь внутри этих границ по особым — собственно, христианским — законам, нарушаемым в мире вне этих границ, так что владения Пущиных воспринимаются действительно как отдельное государство). Первый символический образ, встречающий читателя «Роя» и сопровождающий его до конца, — это заповедные дубы. Дом матери Роя (боярыни Пущиной) стоит на двенадцати дубах (т. е. на их огромных пнях — «стоянах»), и вокруг него растет семь дубов (священные цифры и — отметим также — фамилия с семантикой, отсылающей к той же теме заповедного леса, дубравы). Главный герой родился на пасеке под *дубом-верховетом* и, вернувшись после годов странствий домой, поставит себе на этом месте что-то вроде малого скита. В его домике «столы дубовые, под великими книгами гнутся» (Рой. № 6, с. 4). Под тем же дубом-верховетом пирует Рой в конце повести. В дупле векового дуба, на котором свил гнездо орел, скрыта жалованная грамота Ртищевых, за которой охотится воплощение зла в повести — старый Гам. В другом дубе явлена икона «Неопалимая Купина», что будет потом освобождена из гамовского плена вместе с боярышней Ртищевой, будущей женой Роя. Как видим, «на дубах» стоит не только дом Пущиной, но и множество сюжетных ходов повести.

У Вяч. Иванова в «Светомире» дуб также присутствует в «сильной позиции»: Владарь рождается у долго пребывавшей в бесплодии матери после молитвы в «за-

для странников. Вкусением меда наказывает Рой вора при всем честном народе, а у себя на пасеке, принимая непрошеного гостя, разбойника Минку-Родимку, угощает его и медом, и медовухой. Ртищевская грамота на земельные владения первоначально была скрыта на лесной пасеке. И это еще не полный перечень. Понятно, почему Аксаков, прочитав первые главы, обратился к Кохановской «дорогая и золотая пчела Надежда Степановна» [Семья Аксаковых 2018: 218].

²⁴ См. обстоятельнейшие комментарии А. Л. Топоркова в указанном выше издании повести [Топорков 2015], где отмечена и вся имеющаяся литература вопроса, в том числе и одна из работ, которую назовем и здесь: [Титаренко 2010].

поведном урочище Егорьевом» под старым, опаленным грозой дубом, под которым бьет святой источник²⁵. Дубом видится Владарь маленькому Светомиру: «А и зелен дуб, уж как зелен да густ, ветру насквозь не пролезть. А в дубу том солнышко спрятано»²⁶.

«Повесть о Светомире царевиче» автор не успел завершить (замысел продолжения известен по некоторым наброскам и по главам, написанным О. А. Шор, как она заверяла — во исполнение авторской воли). В задуманной Ивановым второй части, посвященной уже не Владарю, а Светомиру, местом действия одной из глав является Острая гора. Помимо ассоциации с Горой Афон, здесь, разумеется, очевидна отсылка к роману Достоевского «Бесы», где об Острой горе рассказывает Хромоножка. Но, отыскивая параллели с повестью о Рое, не забудешь и о горé — «мироточивой главе», поэтически описанной в начале произведения.

Одной из запоминающихся примет «Светомира» является тема волков и «волчьего пастыря» св. Егория (Георгия Победоносца)²⁷, разрешающего хищникам взять свою дань (ср. приведенную в повести о Рое пословицу: «Счѣтанную овцу волк берет» (Рой. № 6, с. 5)). Но и у Кохановской волк — это один из основных, «строительных», образов. Премьер-майор Пуцин возвращается домой целым обозом-поездом (везет все необходимое для возведения храма), по пути, пробираясь через зимние леса, он и его слуги постреляли много волков (и волки разбежались от них), так что их поезд убран шкурами и пугает своим необычным видом всех встречающихся. Шкура матерого «поседелого» волка, «что зовется в поверьях “белый царь-волк”» (Рой. № 7, с. 4)²⁸, закрывает дверной проем на пасеке у Роя, и за ней прячется пришедший «тать в нощи», разбойник Минка, весь образ которого, что логично для разбойника, ассоциируется именно с волком. (Интересно, что в той же сцене ночной встречи Минка дважды сравнивается с дубом, а во второй части повести, приняв подвиг покаяния, он проводит зиму в лесу Роя, как некоторые русские святые, жившие в дуплах древних дубов.) Рой, смиливший матерого волка в образе человеческого, таким образом, является своего рода «пастырем волков». С волчицей у чудотворного источника «дружбу свела» боярышня Анастасия Ртищева. Из волчьей породы и сторожащий ее и похитивший ее наследие старый Гам (у него «по-волчьи» светятся глаза).

Сам же Рой сравнивается с *лебедем*²⁹, и этот мотив связан с подчеркиваемым писательницей (между прочим, высмеянным Достоевским³⁰) добрачным девством 35-летнего героя (вспомним тут и поздний брак ивановского Владаря, и слова о нем старца Парфения: «Непорочен жених твой, светел и чист весь...» (Повесть. С. 60)). В этом контексте знаменательно, что возвращается Рой в отчий дом в день празд-

²⁵ Под этим же дубом в дальнейшем Светомир должен был обрести «стрелу Егория» (Георгия Победоносца). См. об этом: [Маковский 1955: 307].

²⁶ Цит. по: Иванов Вяч. Повесть о Светомире царевиче. Топорков А. Л., Фетисенко О. Л., Шишкин А. Б. (подгот.). Сер.: Лит. памятники. М.: Ладомир, 2015 [Иванов 2015]. (Далее — Повесть.) С. 87.

²⁷ См.: [Топорков 2015: 513–514].

²⁸ В «Светомире» используется и такой образ тоже: «Ловит народ душегубителей и заводит в дебри и пропасти земли, белу волку (молвят людие), лжам судии, во снеть...» (Повесть. С. 123).

²⁹ «Пожаловать, государыня матушка, чай меня можно за красную девку не признать? — сказывал Феодосий Саввич. — Ино что коса на девичью стать... — усмешкою усмехался сударь и жил в светелке при амшанике, как на тихих заводях лебедь заплывший спит один, под свое крыло голову, в густой зеленой осоке» (Рой. № 6, с. 7).

³⁰ См.: [Фетисенко 2017].

ника Благовещения Пресвятой Богородицы. Душою он и остается *девой*, и с этим связан еще один, лишь на первый взгляд проходной, а на самом деле очень важный персонаж повести — «царь-девица», девка-богатырь Марина Калинишна³¹ (после смерти отца она заменила его в должности старосты Пущиной). Она напоминает самого Роя и становится и его необходимой помощницей, и ее венчание (с верным слугой боярышни Ртищевой) произойдет вскоре после свадьбы боярина; но главное в этом образе — эта таинственность «царь-девицы», существа «мужеженского». Напомним, что, по замыслу Иванова, такая «царь-девица» — сам Светомир. Уже в Книге третьей повести Владарь слышит пророчество о сыне: «А наследник твой еще и во гроб спрячется от стрелы Егорьевой, ему в удел назначенной, она и в гробу его настигнет и из гроба воздвигнет... сама Дева Света венец свой на себя наденет и в него вселится и во образе Белого Царя Царь-Девица восцарствует над всюю землею» (Повесть. С. 77)³².

Удивительны совпадения двух столь разных авторов в выборе мотивов для *суженой* главных героев. В обоих случаях перед нами следующий образный ряд: весеннее росное утро (в «Светомире» — Духов день, в «Рое» — за несколько дней до этого праздника) и чтимый источник. Героиня «Светомира» Отрада и родилась на источнике (как Рой — на пасеке, причем обе матери были одни без всякой помощи). Источник у Иванова носит название Дебреньский, а дебри — это то же, что *пущи* Пущиных. Песню об этом источнике («Во темном сыром бору...») отроковица поет больному Лазарю.

По заветну бѣрежку
Муравá нетоптана,
Пó лугу нехóжему
Травушка нехóшена,
Мурава шелкóвая,
Цветики лазóревы (Повесть. С. 30)³³.

Между прочим, возможно, и сам ритм песни Отрады взят из колыбельной, что звучит в «Рое» (не отвергаем и предположения об общем фольклорном источнике):

И что было диво пчеле зазнять дитя? Когда оно и в колыбельке детской, где родилось оно, и качалось на пасеке. Ранним утром идет боярыня Палагея Поликарповна, и дитя еще сонное за нею с колыбелью несут. Пчелы гудут и словно ему колыбельную песню поют:

А в саду сосѣнушка,
А в саду зеленая;
Под тою сосѣнкою
Колыбель качается,
Колыбель досчатая;
Подцепки ременные,
Подплутки шелкóвые;
А крючок серебряный,

³¹ Ее редкое отчество (от имени Каллиник) больше напоминает о Калиновом мосте русских былин, что подчеркивает тему «богатырства» «девки-старосты».

³² Об этом образе см.: [Топорков 2012: 370–374].

³³ Ср.: «Ходила она... на утренней ранней заре, по траве-мураве лѣгко ступала и росу сбивала...» (Рой. № 10, с. 6).

А лучок золоченый;
Перинка пуховая,
Подушка высокая,
Одеялице теплое.
Во той колыбелушке,
Там дитя качается,
Там дитя боярское (Рой. № 5, с. 7).

У Иванова есть стихотворение «Утренние чары», тесно связанное как с его личным (автобиографическим) мифом, так и с образом Отрады в «Светомире»; его позднейшая редакция (1949³⁴) записана в той же тетради, что пятая книга повести (последняя из созданных).

Я пришла к тебе, боса,
По траве сырой.
Золотая полоса
Светит за горой.
Торопись, недолго мне
Быть с тобой во сне...
Убрала мне волоса
Зорька да Роса;
Я пришла с ее ключом
За твоим лучом [Иванов 2008: 310–311].

Оба эти текста (песня Отрады «Во темном сыром бору...» и «Я пришла к тебе, боса...») знающему текст Кохановской не могут не напомнить ту главу, что особенно ценил Аксаков, — об Удолье, где когда-то в «старом диковинном дубе» была обретена ртищевская Неопалимая Купина (Богородичная икона) и куда к чудотворному ручью-ключу Купине приходит весенними утрами будущая невеста Роя: «...легок-тонок след пролагала... босою ножкой по росе ступала! Обмывала ножки в текучем ручье; умывалась в самой колодезной Купине» (Рой. № 10, с. 6). «Мирской сват» Дёма (это за него потом выйдет «царь-девица» Марина Калинишна) показывает сударю-Рою свою боярышню издалека, чтобы не испугать ее.

Глянул Феодосий Саввич, а со стороны, за косатыми ласточками, тихо по Удолью девица шла — шла, как белая лебедь на воде плыла, и босою белою ногою ту она по траве сеть золотую, на своем легком следу, снимала и порывала (Рой. № 10, с. 7).

В «Утренних чарах» — полное совпадение с этой картиной и хронотопа (если можно этот термин применить к стихотворению), и образа *босой* возлюбленной. Кстати, само обилие поэтических и песенных фрагментов в «Светомире» имеет только один аналог в «русской повести», и это, конечно, произведения Кохановской, ее «изобретение».

Наконец, следует назвать и образ *змеи*, в «Светомире» столь частый (кстати, змеи здесь названы «сестрами Егорьевыми»), а у Кохановской — окказиональный («Ртищевской змеей», «детенышем змеиным») честит пленную боярышню Гам (Рой.

³⁴ А первая редакция (как и первая редакция песни о Владычице Дебренской) датируется еще 1915 г.

№ 10, с. 6)), и тем не менее характерно преимущественное отнесение змеиного мотива именно к женским образам (в «Светомире» — к Гориславе, матери Отрады).

Можно назвать и другие переключки (вещи сны боярыни Пущиной и такие же — княгини Василисы Никитишны, ее сына Владаря и невестки Отрады; роль Духова дня в «Светомире» и возведение храма Св. Троицы в «Рое»; сиротство Анастасии Ртищевой и Евфросинии-Отрады; «книжничество» Роя и Владаря), но, думается, и названного выше достаточно, чтобы включить «славянофильскую» повесть в число претекстов незавершенного произведения Вяч. Иванова. Конечно, возникает вопрос: где же он мог познакомиться с «Роем», если повесть не переиздавалась после газетной публикации? Вполне вероятно, что Иванов мог прочесть ее именно в старой газетной подшивке еще в детстве. «День» в 1860-е гг. был популярным изданием, и у глубоко религиозной матери будущего поэта могли сохраняться его комплекты. Кроме того, отрывки из произведений Кохановской, как отмечала современница Иванова, встречались «в любой хрестоматии» [Валуева 1904: 129]. По нашему предположению, речь может идти именно о детском впечатлении, врезавшемся в память какими-то важными деталями, но в то же время и таком далеком, что могло и забыться — откуда же эти образы, откуда этот величавый, плавный и певучий речевой строй. Если Иванов и действительно *забыл*³⁵, откуда черпал (среди прочего, конечно), то это лишь означает, что влияние было не явным, но все же — было. И, вероятно, совпадения «ритмо-фонетические» здесь не менее важны, чем мифопоэтические. Впрочем, пусть тексты говорят сами за себя:

«Рой-Феодосий Саввич на спокое»	«Повесть о Светомире царевиче»
«Но то старое время было и поросло его давнею былью; — пора времени наступила моложе. Где скакал заяц, своим скоком и перескоком полагая мету порубежной земли, там уже старое займище сиднем сидело; поставило свое Великое Городище; гущина сплошных лесов проредела; замолел речный приток и шапкою на горе встала и крестом просияла Божия церковь» (Рой. № 5, с. 4)	«Миновали века стародавние: поредели темные леса да боры глухие, и зверье рысучее от топора да плуга в дальние тущобы ушло, и в безлюдных местах города понастроились» (Повесть. С. 8)
«...и послан был в Сибирь с тайными приказами видеть и донести, как проживают там знаменитые ссыльные и какое им довольство от приставов идет; затем еще повелевалось, всяким случаем, взять проезд на китайскую слободу Кяхты и наоблести — коим там мены́ и торги купцы Российской Державы введут?» (Рой. № 6, с. 4)	«Владарь же те ополчения пришлые в неурочные дни, то и дело навещивал и за ратным новиков обучением у хорунжих опытных строго-настрого наблюдал» (Повесть. С. 84)
«Стоят у него, у сударя, столы дубовые, под великими книгами гнутся, и те он книги на пасеке по ночам читает. И за тем по ночам: что вывез он те неусыпальные книги из богопрогневанной земли, где ночь одна и света Лица Божья — красного солнца не видать; а светят там камненные горы — подземным огнем горят...» (Рой. № 6, с. 4)	«Затворился в терему своем сидень и никого, опричь матери, на глаза к себе не пускал... Думу ли про себя неотвязную думал, так ли дремал душой: но Богу вовсе, почитай, не молился, книгам же божественным часами прилежал, не умиления ради, а научения...» (Повесть. С. 25)

³⁵ Каких-либо упоминаний Кохановской в его произведениях и письмах не имеется.

Примеры эти выбраны почти наугад, следовало бы также предпринять подсчет количества конструкций со словами «ин/ино», весьма характерными для обоих произведений.

Надеемся, что предпринятое нами соположение двух одновременных повестей побудит по-новому взглянуть на роль «степной барышни» (так называла себя Кохановская) в развитии русской литературы — роль потаенного «ручья-ключа», откуда черпал, возможно, не только автор «Светомира», но и иные писатели, которые обращались к «старине» и сказовой манере, имеющей, как видим, и другие изводы, кроме лесковского, хорошо известного и породившего свою традицию.

Источники

- Аксаков 1864 — Аксаков И. С. [Редакционные примечания к статье Н. М. Павлова]. *День*. 1864, № 23 (6 июня): 15–16; № 26 (27 июня): 18.
- Амфитеатров 1912 — Амфитеатров А. В. Андрей Белый. В кн.: Амфитеатров А. В. *Собрание сочинений*. Т. 15: Мутные дни. СПб.: Книгоиздат. тов-во «Просвещение», 1912. С. 211–261.
- Валуева 1904 — Валуева (Мунт) А. П. *Искра Божия: Из жизни Н. С. Соханской (Кохановской)*. М.: К. Тихомиров, 1904.
- Иванов 2008 — Иванов Вяч. Из последних стихотворений. О. Фетисенко (публ.). *Символ*. 2008, (53/54): 309–312.
- Иванов 2015 — Иванов Вяч. *Повесть о Светомире царевиче*. Топорков А. Л., Фетисенко О. Л., Шишкин А. Б. (подгот.). Сер.: Лит. памятники. М.: Ладомир, 2015.
- Кохановская 1864 — Кохановская [Соханская Н. С.] Рой-Феодосий Саввич на спокойе. *День*. 1864, № 5 (1 февр.): 4–9; № 6 (8 февр.): 4–7; № 7 (15 февр.): 4–8; № 8 (22 февр.): 3–9; № 9 (5 марта): 5–13; № 10 (8 марта): 5–9; № 11 (14 марта): 3–9; № 12 (12 марта): 16–20; № 13 (28 марта): 7–10; № 15 (11 апр.): 4–11.
- Кохановская 2020 — «Все мы, благородно-простодушные провинциалы...»: Письма Кохановской (Н. С. Соханской) к М. Ф. Де-Пуле. Фетисенко О. Л. (вступ. ст., подгот. текста и коммент.). В сб.: *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 2020 год*. СПб.: Росток, 2020. С. 222–262.
- Ладыженская 1864 — Ел. Л-а [Ладыженская Е. А.]. Библиография. Новая повесть г-жи Кохановской: Феодосий Саввич Рой. *Семейные вечера. Отд. старшего возраста*. 1864, (6): 435–455.
- Маковский 1955 — Маковский С. К. Вячеслав Иванов. В кн.: Маковский С. К. *Портреты современников*. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. С. 269–310.
- Масанов 1960 — Масанов И. Ф. *Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей*. В 4 т. Т. 4. Новые дополнения к алфавитному указателю псевдонимов: алфавитный указатель авторов. М.: Изд-во Всесоюз. книжной палаты, 1960.
- Павлов 1864а — Н. Б. [Павлов Н. М.] Письма к редактору *Дня* по поводу последней повести г-жи Кохановской. *День*. 1864, № 23 (6 июня): 15–18; № 24 (13 июня): 19–20; № 25 (20 июня): 16–18; № 26 (27 июня): 17–20.
- Павлов 1864б — Н. Б. [Павлов Н. М.] «Свят Фадеич» — новая пьеса г. Чаева. *День*. 1864, № 47 (21 нояб.): 21.
- Павлов 1864в — Н. Б. [Павлов Н. М.] Текучая беллетристика. *День*. 1864, № 31 (1 авг.): 17–19; № 33 (15 авг.): 17.
- Платонова 1909 — Платонова Н. Н. *Кохановская (Н. С. Соханская): биограф. очерк*. СПб.: Сенат. тип., 1909.
- Пономарев 1898 — Пономарев С. И. Описание бумаг, оставшихся после Н. С. Соханской (Кохановской). *Русское обозрение*. 1898. Янв: 277–312.
- Семья Аксаковых 2018 — Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская): переписка (1858–1884). Фетисенко О. Л. (сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент.). СПб.: Пушкинский Дом, 2018.
- Эдельсон 1864 — Э-н Е. [Эдельсон Е. Н.]. Русская литература. *Библиотека для чтения*. 1864, (апр./май): 1–25; 3-я паг.

Литература

- Викторович 2018 — Викторович В. А. Уроки одной судьбы. *Коломенский альманах*. 2018, (22): 235–240.
- Громов 2008 — Громов М. [Н.] Премудростное дивное сказанье. *Символ*. 2008, (53/54): 276–280.
- Кунильский 2013 — Кунильский Д. А. *Достоевский и братья Аксаковы: спор о русской литературе*. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2013.
- Орлицкий 2015 — Орлицкий Ю. Б. Особенности ритмической организации «Повести о Светомире царевиче». В кн.: Иванов Вяч. *Повесть о Светомире царевиче*. М.: Ладомир; Наука, 2015. С. 215–232.
- Титаренко 2010 — Титаренко С. Д. Иконология «Повести о Светомире царевиче» (о связи мифологии и христианской религии в творчестве Вячеслава Иванова). В сб.: *Христианство и русская литература*. Котельников В. А., Фетисенко О. Л. (отв. ред.). Сб. 6: Взаимодействие этнокультурных и религиозно-этических традиций в русской мысли и литературе. СПб.: Наука, 2010. С. 343–382.
- Топорков 2012 — Топорков А. Л. Источники «Повести о Светомире царевиче» Вяч. Иванова: древняя и средневековая книжность и фольклор. М.: Индрик, 2012.
- Топорков 2015 — Топорков А. Л. [Комментарий]. В кн.: Иванов Вяч. *Повесть о Светомире царевиче*. М.: Ладомир; Наука, 2015. С. 475–692.
- Фетисенко 2015 — Фетисенко О. Л. [Текстологическая преамбула]. В кн.: Иванов Вяч. *Повесть о Светомире царевиче*. М.: Ладомир; Наука, 2015. С. 257–276.
- Фетисенко 2017 — Фетисенко О. Л. Достоевский, «петербургская литература» и «русское сердце» малороссиянки Кохановской. В сб.: *Достоевский: материалы и исследования*. Т. 21. СПб.: Нестор-история, 2017. С. 303–321.
- Фетисенко 2020 — Фетисенко О. Л. «И очи в потолки». Тургенев и Кохановская: взаимооценки. В сб.: *Наука говорить с другими: сб. науч. тр. к 70-летию В. А. Викторовича*. Коломна: Гос. соц.-гуманит. ун-т, 2020. С. 198–207.

Статья поступила в редакцию 6 мая 2021 г.
Статья рекомендована к печати 29 ноября 2021 г.

Olga L. Fetisenko

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
4, Makarova nab., St Petersburg, 199034, Russia
betsy98@mail.ru

About one of the possible source of *The Tale of Tsarevich Svetomir* by Viacheslav Ivanov

For citation: Fetisenko O. L. About one of the possible source of *The Tale of Tsarevich Svetomir* by Viacheslav Ivanov. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2022, 19 (1): 45–61. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.103> (In Russian)

The Tale of Tsarevich Svetomir by Vyacheslav Ivanovich Ivanov nowadays looks like a thoroughly researched work. Many of the pretexts of this long poem have been studied, various reminiscences and allusive layers have been revealed, and mythopoetic motives have been analyzed. Readers and researchers have shown great interest in the poem's unusual discursive structure and the orientation of its language towards the Church Slavonic Bible and Old Russian literature, as well as the form of rhythmic prose chosen by the author, reminiscent of old French verses. However, the pattern of such prose can be found closer, in Russian literature of the 19th century. In a similar way, the narration is organized in one of the works of a writer close to the Slavophiles, Kokhanovskaya (Nadezhda S. Sokhanskaya, 1823–1884). Upon careful reading, her story “Roy-Theodosii Savvich during His Retirement” (1864) turns out, to be close to Vyacheslav Ivanov's legend, not only rhythmically and phonetically, but also in terms

of the system of images performing similar functions in both works. The coincidence of these two factors allows one to consider this half-forgotten work as one of the possible sources of the symbolist writer's poem.

Keywords: Vyacheslav Ivanovich Ivanov, *The Tale of Tsarevich Svetomir*, Kokhanovskaya (Nadezhda S. Sokhanskaya), literary parallels, mythological images.

References

- Викторович 2018 — Viktorovich V. A. Lessons from one destiny. In: *Kolomenskii almanakh*. 2018, (22): 235–240. (In Russian)
- Громов 2008 — Gromov M. Wise wondrous legend. *Simvol*. 2008, (53/54): 276–280. (In Russian)
- Кунильский 2013 — Kunil'skii D. A. *Dostoevsky and the brothers Aksakov: the dispute about Russian literature*. Petrozavodsk: Petrozavodsk University Publ., 2013. (In Russian)
- Орлицкий 2015 — Orlicskii Yu. B. Features of the rhythmic organization of «The Tale of Tsarevich Svetomir». In: Ivanov V. *The Tale of Tsarevich Svetomir*. Moscow: Lodomir Publ.; Nauka Publ., 2015. P. 215–232. (In Russian)
- Титаренко 2010 — Titarenko S. D. An Iconology of «The Tale of Tsarevich Svetomir». In: *Khristianstvo i russkaya literatura*. Vol. 6. St Petersburg: Nauka Publ., 2010. P. 343–382. (In Russian)
- Топорков 2012 — Toporkov A. L. *Sources of Vyach. Ivanov's The Tale of Tsarevich Svetomir: ancient and medieval bookishness and folklore*. Moscow: Indrik, 2012. 496 p. (In Russian)
- Топорков 2015 — Toporkov A. L. [Comments]. In: Ivanov V. *The Tale of Tsarevich Svetomir*. Moscow: Lodomir Publ.; Nauka Publ., 2015. P. 475–692. (In Russian)
- Фетисенко 2015 — Fetisenko O. L. [Textological Preamble]. In: Ivanov V. *The Tale of Tsarevich Svetomir*. Moscow: Lodomir Publ.; Nauka Publ., 2015. P. 257–276. (In Russian)
- Фетисенко 2017 — Fetisenko O. L. Dostoevsky, “Petersburg literature” and “Russian heart” of Little Russian Kokhanovskaya. In: *Dostoevsky. Materialy i issledovaniia*. Vol. 21. St Petersburg: Nestor-Istoria, 2017. P. 303–321. (In Russian)
- Фетисенко 2020 — Fetisenko O. L. “And eyes to the ceiling”. Turgenev and Kokhanovskaya: mutual evaluations. In: *Nauka govorit' s drugimi*. Sbornik nauchnykh trudov k 70-letiiu V. A. Viktorovicha. Kolomna: Gosudarstvennyi sotsial'no-gumanitarnyi universitet, 2020. P. 198–207. (In Russian)

Received: May 6, 2021

Accepted: November 29, 2021